

В 1960-е ВСЕ ШУТИЛИ

Виктор ТУПИЦЫН

В 1978 году меня попросили написать «воспоминания» об искусстве практической шутки в России, предупредив, что текст должен быть «предельно простой, занятный и не замутненный излишними размышлениями». И хотя указания были выполнены, статью так и не напечатали. Перед тем как с ней ознакомиться, необходимо сделать то, на что был наложен запрет в 1978 году, а именно – высказать несколько «излишних» соображений, связанных с перспективой ассимиляции смеха в зоне дискурса.

По мнению Джорджа Мачунаса*, шутка (особенно практическая) линеаризует сознание, что, с одной стороны, способствует ее усвоению, а с другой – исключает возможность параллельных ракурсов восприятия и синхронизации актов прочтения. С одной стороны, перпендикулярность смеховой культуры по отношению к (диа)хронике интеллектуальной рефлексии создает прецедент для аналогий, сопоставлений, обобщений и т.п. С другой, бесконечное нанизывание на вертикаль чревато стремлением к деортогонализации, без которой метафора не в состоянии осознать себя в качестве таковой. Возникает цепь опосредований, наводящих на мысль, что горизонталь есть не что иное, как отчужденная вертикаль. Ее отчужденность – результат осознания, рационализации, культурного освоения. Избыточность отчуждения оборачивается стремлением к повторной вертикализации, и так без конца – учитывая принципиальную неразрешимость конфликта между смехом и дискурсом. Бессознательное, как известно, манифестирует себя многими способами: в одних случаях это смех, в других теория – теория как отсроченная реакция на те же самые скрытые «поползновения» психики. Некоторые из них мы (по ошибке?) воспринимаем как розыгрыш...

Практическая шутка – жанр, которому не чужда идея преемственности. Пример – Артур Краван, дадаист, ставший жертвой собственной практической «шутки» в Карибском море. Тот факт, что Краван выдавал себя за «незаконного сына Оскара Уайльда», далеко не случаен, особенно если вспомнить эпизод с нищим, просившим милостыню под окном писателя. Устав от жалобных причитаний, Уайльд пригласил его в дом, после чего вызвал портного и приказал сшить нищему новый костюм из самой роскошной ткани – при условии, что все прорехи и дыры останутся на своих местах. Изысканное глумление над ближним, сменившим старые лохмотья на новые (жалкие на дороге), лишний раз подтверждает тот факт, что практическая шутка и морализаторство – суть вещи несовместные.

* В 1960–1970-х годах Джордж (Юргис) Мачунас был организатором художественного объединения Флаккус.

Будучи формой философского высказывания (констатативный уровень), практическая шутка требует высокого мастерства исполнения (перформативный уровень). Что касается запрета, наложенного на инцест шуточного плана с теоретическим, то, как мне кажется, именно наличие подобных табу вызывает желание их нарушить. Возникает потребность в анархии, в карнавализации теоретического текста.

Во-первых, экономика теоретического письма – либидинальная экономика. Во-вторых, «эмансипирующий либидинальный потенциал» невозможно отделить от «порожденной ими теории», становить для них правила очередности, иерархию и т.п.

Москва

«**Х**отите, я вам стихи посвящу», – спросил один молодой поэт у дамы. «Что ж, посвистите», – ответила дама. Происходило это в начале 1960-х годов, в эпоху «лириков» (час физиков тогда еще не пробил). Жанр практической шутки если и существовал в те годы, жанром не назывался. Хотя традиция, безусловно, была. Блюмкин, эпатировавший Мандельштама* расстрельными ордерами в кафе, скорее всего шутил. Сталин, делавший это в более глобальном масштабе, зашутил всю Россию до полусмерти.

В Средней Азии когда отрубали голову, бросали ее на раскаленную сковороду; голова начинала тарачить глаза, хлопать ресницами и вздымать брови; зрители запивали зеленым чаем плов и одобрительно рыгали. Заимствования из сферы практической шутки получили прописку в литературе: «Синяя тетрадь» Хармса, «акции» Коровьева и Бегемота в «Мастере и Маргарите» и т.д.

Королем по этой части в Москве был композитор Никита Богословский, годами соблазнявший собутыльников рассказами о «кремлевских банях», и когда один из них наконец созрел, отвезен был (с завязанными глазами) в надлежащее место: шикарный вестибюль, бархат, люстры, народу ни души. «Это предбанник, – говорит Богословский, – а теперь раздевайся. Разделся? Ну, вот тебе шайка, дверь направо», – и с этими словами Богословский вталкивает обнаженного друга в переполненный посетителями банкетный зал ресторана «Метрополь».

Лев Нуссберг тоже изрядный был шутник. Завидев издали мать с ребенком, он с разбегу выхватывал дитя из родительских рук и несся с ним прочь. В момент, когда ажиотаж толпы, матери и ребенка достигал апогея, Нуссберг оставлял свою ношу и исчезал в проходном дворе. На пари, пока приятели подпирали ногами дверь в тамбуре пригородной электрички, Нуссберг показывал голый зад пассажирам. Обычно в поездах читают, но то один, то другой поднимает глаза, и что же: в дверном стекле – как на экране – две упитанные ягодицы. Пассажиры бросаются к тамбуру, тщетно пытаются разомкнуть двери, но вот уж и станция, и задницы как не бывало.

А сколько было тех, кто ночной порой пытался наклонить чугунное дуло пушки, стоящей возле Музея Революции! (Согласно мифу, кто-то когда-то опустил туда бутылку водки).

Если призрачный подпоручик Кижэ неуклонно повышался в чине, то одному из моих знакомых, напротив, удалось разжаловать полковника в подполковники. Случилось это на

* Эгофутуристы еще в 1913 году называли Мандельштама «мраморной мухой».

квартире у дочери этого несчастного военного в момент отсутствия последнего. Пока дочка танцевала со своим кавалером, мой приятель проник в гардероб родителей и отвинтил по звездочке на каждом папашинем погоне. На шинели и на кителе. Утром полковник, вернее подполковник, явился на службу, ничего не подозревая, и так целую неделю. Сослуживцы потом (за спиной) называли его «Лермонтов», так как и тот был некогда разжалован и сослан на Кавказ.

Будучи формой философского высказывания (констатативный уровень), практическая шутка требует высокого мастерства исполнения (перформативный уровень)

И все же венцом всех подобных вычур следует признать акцию Савелия Крамарова, популярного советского киноактера, комика. Случилось это году в семидесятом, сразу после съезда КПСС, во время концерта в Кремле. В зале – Брежнев и весь Президиум. Объявляют Крамарова. Выходит. Смех, ликование. И вдруг Крамаров говорит: «Я знаю, почему при виде меня вы смеетесь и ликуете. Дело в том, что в кино я всегда играю идиотов, и поэтому вы принимаете меня за своего». Несколько секунд тягостного молчания. Брежнев (видимо, навеселе) заплодировал первым, за ним и весь зал. Я наблюдал эту сцену по ТВ и, признаться, ушам своим не верил. Так шутила Москва 60-х годов. Теперь – о Ленинграде.

Ленинград: Сорокин, Понтилла и Хвост

Сведения о Сорокине ограничиваются одним эпизодом. Как-то во взятом напрокат мундире штабс-капитана (аксельбанты и т.п.) отправился он с друзьями к кому-то или куда-то. Поверх мундира на нем было вполне гражданского вида пальто. Поигрывая тростью, Сорокин (забывший, по всей видимости, выйти из роли) усадил приятелей в такси и с возгласом «погоняй!» ткнул водителя набалдашником в спину. Тот встал на дыбы, и вся компания оказалась в милиции. В результате – проверка документов, фамильярность и грубость нижних чинов (участковый, кажется, был всего лишь лейтенантом). Сорокин сбрасывает пальто и обнажает шпагу. Лейтенант расстегивает кобуру и приказывает Сорокину сдаться. Сорокин ломает о колено клинок. Так в конце 1960-х годов в Ленинграде был схвачен последний штабс-капитан царской армии Алексей Сорокин. Поэт Александр Введенский (по одной из версий) был арестован в 1932 году за то, что поднял тост за покойного государя императора Николая Второго.

Понтилла – фигура не менее легендарная. Я встречал его пару раз в Питере, у Хвоста. Рост – два метра. Телосложением – сталинская архитектура (его женой была Наташа Стеблин-Каменская, маленькая, хрупкая, эдакий хлебниковский «кувшин с прекрасным взглядом»). Скульптор. Настоящее имя – Валерий Фед.

Понтиллою прозвали по причине того, что понтил (пудрил мозги, молол чушь, водил за нос, морочил и дурачил всех, включая самого себя). Бывает ведь абсурдизм художественный, то есть жанр, в который забегают на время, возвращаясь затем обратно, в реальность, нагруженные контрабандным товаром (негоцианты). А бывает, когда войдя – остаются, что, собственно, и случилось с Понтиллою.

В середине 1960-х годов он создал общество мудистов. Как у обэриутов, к примеру, были «чинари», так и у мудистов – почетные Мудаки. Хвост был «Мудак городской», Сорокин – «Мудак-путешественник» и т.д. Катаясь на лодке по Финскому заливу, сочинили устав мудистов, запечатали в бутылку и бросили в волны. В качестве завещательного текста мудакам будущего. Бутылка была выловлена рыбаком-любителем, генералом КГБ. Понтилла вызвали.

В процессе расследования генерал проникся симпатией к мунизму, хотя и не вполне его понимал. «А не могли бы вы, молодой человек, на простом примере, по-свойски, объяснить мне, что такое мунизм?» Хорошо, говорит Понтилла. Допустим, купили вы в магазине замечательный белый костюм. Выходите на улицу, погода – лучше не бывает, солнце, небо голубое, вокруг радостные лица, и вдруг вы, в замечательном белом костюме, бац – и в лужу. И вот лежите вы в этой луже и мудите. Потому как более мудацкого положения и придумать нельзя. Понятно? «Понятно», – сказал генерал и с этой поры согласно легенде полюбил Понтилла как сына.

Важное место в мунистическом иконостасе Понтилла занимала ворона, так как она, по его мнению, «омуживает советских трудящихся, произнося слово “КАР” и тем самым напоминая об автомобиле (car), повсеместном на Западе и труднодоступном в СССР».

Чем занимались мунисты? Мунили и омуживали.

Как-то, зайдя к Ларисе Волохонской, Понтилла обнаружил на столе среди прочих женских вещей крошечный флакон французских духов – подарок из Парижа. «Сколько стоит?» Не знаю, говорит Лариса. «Хочешь, узнаем?» – спрашивает Понтилла и, не дожидаясь ответа, опорожняет флакон. Почмокал языком: «Пятьдесят рублей». Аналогичный случай – 30 декабря 1972 года: в мастерской у приятеля Понтилла подверг той же процедуре растворитель для лака. Это было его последней мунистической акцией. На похороны приехал генерал (тот самый). Над кладбищем, как полагается, облака. Уходя, генерал – Хвосту: «Вот и небо сегодня мрачное, все в тучах». «Это я накурил», – говорит Хвост и топчет окуроченный.

Мунизм умер, да здравствует мунизм!

С Хвостом (Алешей Хвостенко) я впервые столкнулся году в 1964 году. Мы пили водку в продолговатой комнате, где он обитал, офлажкованный соседями, покуривая «план», поигрывая на замысловатой дудке и пописывая стихи. «Человек человеку волк, лиса и медведь», – меланхолически поговаривал Хвост, выпуская из флажолета кольца сладковатого дыма, когда соседи с особым озорством начинали барабанить в стену. Говорят, в Азии, на тамошних базарах, удавалось ему извлекать приятные звуки из всех старинных флейт и свистков, чем заслужил он репутацию дервиша.

В ту пору сочинялись им игрушечные пьесы обэриутского толка, иногда в соавторстве – то с Енотом (Леонид Ентин), то с Юрием Галецким. Собственно, писал или рисовал он все, что угодно и на чем угодно: на ресторанных меню, документах, аптекарских рецептах, медицинских справках и счетах за квартиру, скальваемых или сшиваемых затем в причудливые альбомы. В дурдоме, где Хвост «косил» (уклонялся) от армии, вел он «визуальный дневник»: тексты, рисунки и коллажи, по замыслу автора, свидетельствовали о его «невменяемости». Чуть позже (в 1965–1966 годах) кое-что из этого обрело книжный формат. Другие вещи вошли в обширный цикл – «Верпы». К тому времени уже началось сотрудничество с Анри Волохонским: пьесы, песни и т.п.

Вообще, многие из принадлежавших кругу Хвоста/Анри были дивными мастерами разговора, будь то чистой воды нонсенс или схоластическое глубокомыслие. Ентин как-то жа-

ловался, что проговорил себя насквозь в ущерб как бы возможности запечатлеть все это на бумаге. Так или иначе, речевой перформанс обрел в лице Хвоста, Анри и Ентина уникальных художников. (В Москве это был Сергей Чудаков). С тех пор искусство разговора в значительной мере иссякло или, как сказали бы ничевоки, «истончилось».

Заграница сыграла для многих роль языкового вытрезвителя, излечив от речетворчества – этой этнической безысходности, присущей всем нам в родных пенатах.

«Крым – жемчужина Кавказа», сострил как-то Ентин. Хвост ездил туда (то есть в Крым) на заработки, а также в Среднюю Азию и на Север – в Салехард. Расписывал клубы, рестораны, фотографировал на пляжах. Но случалось это не столь часто, вследствие чего – неоднократные обвинения в тунеядстве, товарищеский суд и т. п.

Однажды, вернувшись из поездки с «кучей капусты» (денег), Хвост уговорил приятеля по кличке Рез (Резницкий) пообедать в шикарном ресторане и под конец, не расплатившись, совершить из него побег. Что ж, пошли. Сидят. Время к закрытию, а Хвост все заказывает и заказывает. Рез в холодном поту, кусок в горло нейдет. «Алешенька, – шепчет он (почти плача), – пора!» А Хвост как ни в чем не бывало... Тут Рез бросается к выходу, метрдотель его валит, вышибала наваливается сверху. В последний момент Хвост кинематографическим жестом останавливает официантов, с которыми, как оказалось, расплатился заранее.

Заграница сыграла для многих роль языкового вытрезвителя, излечив от речетворчества – этой этнической безысходности, присущей всем нам в родных пенатах

Этой злой мудиристической шутки не простили бы никому, кроме Хвоста.

Впрочем, за несколько лет до революции нечто подобное удалось сделать Маяковскому: в его случае жертвами стали Б. Лившиц и В. Каменский, о чем рассказывается в книге «Полутораглазый стрелец».

В Москву Хвост переехал в конце 1968 года. Закончил «Дурное дерево», написал обширный трактат о Заболоцком, эссе о чеховском «Дяде Ване», множество стихов и песен. Общался со всей богемной Москвой, продолжая (как и в Питере) быть центром всеобщей симпатии, но при этом ни с кем и никогда не нарушая дистанции. «Искали любимца, нашли незнакомца», – эта его фраза как нельзя лучше характеризует формулу хвостовского обаяния.

Одно время Хвост работал художником в Парке культуры им. Горького, где изготавливал лозунги, используя трафарет. В какой-то момент он забросил эту деятельность, а когда вернулся, то обнаружил оставленную им без присмотра (на открытом воздухе) алуую ткань, на которой красовалась фраза «Слава КПСС», написанная не белилами, а голубиным пометом. В отсутствие художника птицы взяли на себя ответственность за агитпроп. Термин «соцарт» возник гораздо позднее.

Жил Хвост в Мерзляковском переулке с женой Алисой. Я бывал у них почти каждый день, пия портвейн и разыгрывая с Алешей наши бесконечные шахматные партии. Кажется, мне удавалось выигрывать чаще, но почему-то, когда проигрывал, выяснялось, что играли «на интерес», и я оказывался должен ему то оду, то бутылку, то еще что-нибудь. Помню, однажды проиграл негритянку – наподобие той, что Солярис «преподнес» Гебаряну. Не исключено, что

в романе Лема этот «живой товар» был компенсацией за проигрыш в шахматы. Так или иначе, приехав на Запад, Хвост в первом же письме припомнил «должок». В случае литературных «расплат» некоторые из них снабжались таблицами и схемами. И в том числе оды, проигранные в шахматы. Вот фрагмент одной из них:

*Я посвящаю эту оду
Тому, кто дольше, чем всегда,
Тому, кто, погружаясь в воду,
Сам более воды вода.
Увы, когда он входит в пламя,
Он ослепительней огня,
Им лань любит как ланью,
И конь в нем чувствует коня.
В нем Сцилла узнает Харибду,
И т. п. ...**

Как-то в Париже Хвост пригласил нас в ресторан, где он пел и играл на гитаре. В зале сидели его поклонники – русские эмигранты. Во время концерта я не переставал следить за выражением его лица: в нем появился налет сервиллизма. Годы зависимости от людей (с которыми Хвост делил выпивку, наркотики и ночлег) сделали свое дело: прощаясь с ним, мне пришло в голову, что передо мной чеховский герой – Вафля**.

В заключение приведу эпизод из жизни, но не самого Хвоста, а его ближайшего друга Вани Тимашева, умершего в конце 1970 годов от наркотической передозировки.

Умирал он и до этого, но безуспешно. Как-то, объевшись наркотиков, Тимашев рухнул на улице. Пришлось отвести его на второй этаж гостиницы «Националь», где можно было безнаказанно («по секрету») принять ванну и прийти в себя. Уложив приятеля в воду, я заставил его закрыть дверь изнутри и пошел пить кофе. Через час дверь ванной комнаты уже снимали с петель. «Кто вы такой, чтобы здесь мыться?» – возмутился портье. «Нет героя для камердинера», – отвечал ему из воды Тимашев. В его устах эта французская поговорка звучала как отповедь тем, кто сомневается в художественной ценности практической шутки.

Поэзия, конечно же, канареечья клетка для невольничьего художественного свиста. Ленинградская – в том числе. И в связи (а может быть, и не в связи) с ней вспоминаются слова Хвоста:

*В ней множество достоинств
Снаружи и вовне,
Немало райских воинств
Уже погибло в ней.*

* В.Т., 1969.

** Говорят, что с недавних пор Хвост раздевается в дорожных магазинах (в которых принято одеваться), оставляет там свои вещи и бродит по Парижу голым. Имеет ли это отношение к искусству практической шутки – сказать трудно... Всякий раз при виде бородатого безумца на улице у меня сжимается сердце – не Хвост ли это? [сноска добавлена в 2000 году.]